

КОЗЬМА ПРУТКОВ

НЕИЗДАННЫЕ И ЗАБЫТЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Предисловие Д. Заславского
Комментарии П. Беркова

КОЗЬМА ПРУТКОВ И ЕГО РОДИТЕЛИ

Литературным родителям Козьмы Пруtkова не раз приходилось доказывать авторские права на свое детище. Происходило это отчасти от недостаточного фамильного сходства. Ярko сатирический облик большинства произведений, выходивших под именем Козьмы Пруtkова, беспощадное и злое высмеивание признанных в художественной литературе авторитетов не мирились с расплывчато-либеральным обликом А. М. Жемчужникова, с реакционно-идеалистическим обликом А. К. Толстого. К тому же вымышленный Козьма Пруtkов решительно оттеснил, заслонил собой подлинных авторов. То, что они писали всерьез, оказалось в значительной степени позабытым, сложено в архиве литературы. А то, чем они погрелись для шутки, для забавы, не придавая этому большого значения, оказалось серьезным и живым произведением. Более того: сатирическая пародия обернулась острием своим против них же самих. Ни А. К. Толстой, ни Жемчужниковы никогда не решились признать в том, что посмеялись они в сущности над самими же собой. В злых пародиях на поэзию либеральной гражданской скорби, на поэзию чистого искусства и дворянских традиций могли узнать себя и Жемчужников, и Толстой позднейшего времени.

Авторское свое право на Козьму Пруtkова А. М. Жемчужников от имени всего авторского коллектива доказал. Об этом рассказано в «Полном собрании сочинений Козьмы Пруtkова», вышедшем в 1927 г. Дело относится к 1883 г. В журнале «Век» некто М. А. Филиппов подписывал свои произведения именем Козьмы Пруtkова. А. М. Жемчужников протестовал против такого посягательства на чужую собственность и писал, что псевдоним принадлежит братьям Жемчужниковым и А. К. Толстому. Филиппов возражал:

«Псевдоним этот, — писал он, — не принадлежит ни Вам, ни брату Вашему, ни покойному графу Толстому, а журнал («Современник») сочинил коллективный псевдоним собственно для своего фельетона и не предоставил каждому отдельному лицу самостоятельно пользоваться им... Статья же «С.-Петербургских Ведомостей» 1874 г. и «Русский Календарь», указавший на Ваше участие в этом коллективном псевдониме, не дают Вам ровно никаких юридических прав. К тому же мне положительно известно, что под этим псевдонимом работали еще Панаев, Добролюбов и иные сатирики».

В пространной статье А. М. Жемчужников доказал тогда, что ни Панаев, ни Добролюбов, ни иные сатирики, кроме поименованных Жемчужниковым, в коллективном творчестве Козьмы Пруtkова не участвовали. Юридические права Жемчужниковых и Толстого на Козьму Пруtkова после этого больше не оспаривались. В этой инстанции процесс официальными родителями окончательно выигран. Но этим еще не решается вопрос о литературном участии Добролюбова в создании сатирического облика Козьмы Пруtkова, хотя бы перо Добролюбова непосредственно в этом создании и не участвовало.

Козьма Пруtkов родился не в «Свистке», но только в «Свистке» он вырос и получил то сатирическое оформление, которое принесло ему затем славу и популярность.

И если говорить о правах литературных родителей на псевдоним, то возникает законное сомнение, обладали ли эти родители правами — не юридическими конечно — присваивать имя Козьмы Пруtkова таким произведениям своим, которые были написаны не для «Свистка». Возьмем, к примеру, известную шутку-комедию «Фантазия». Она была написана без всякого сатирического умысла, — разве лишь с намерением дать пародию на пустые и ничтожные водевили императорских театров николаевской эпохи. Она и была не сатирой, а шуткой, шалостью великосветских талантливых забавников. Подписана она была первоначально инициалами Игрек и Зет, заслуженно провалилась на сцене, заслуженно была бы предана забвению, если бы уже впоследствии авторы не приписали ее Козьме Пруtkову и не включили в собрание его сочинений. На каком основании? Только по безграничной отцовской власти патриархальных времен. Ни сцена императорского театра, ни даже «Ералаш» либерального «Современника» не были связаны непосредственно с радикально-демократическим, литературно-революционным «Свистком». Шутка «Фантазия» так и остается шуткой, талантливым зубоскальством среди других, остро отточенных и злых, сатирически направленных произведений Козьмы Пруtkова. То же относится и к другим шалостям пера Жемчужниковых и Толстого, — в значительной мере к пародиям на слог и стиль XVIII в. Эти пародии были тогда в моде. В них упражнялись и другие. Но свои «цветы невинного юмора» Жемчужниковы прицепили к сатирическому циклу Козьмы Пруtkова без достаточного к тому основания.

Что же придало сатирическую соль творчеству авторов, по литературной своей натуре людей замечательно пресных? Ответ на это может быть один: их временное и для них довольно случайное пребывание в «Свистке». Вне «Свистка» Козьма Пруtkов непонятен. Попытки истолковать его вне связи со «Свистком» приводили неизбежно к ложным заключениям. Наиболее распространенное из них говорит о том, что Козьма Пруtkов — это тупой и самодовольный бюрократ, претенциозный и бездарный, а поэтому все его сочинения — это сатира на бюрократию. Даже в предисловии к вышедшему в 1927 г. «Собранию сочинений Козьмы Пруtkова» сказано: «Козьма Пруtkов — вымысленный писатель, в своем творчестве как бы воплощавший тупость, косность и бюрократизм господствовавших в России дворянских и чиновничьих кругов». Но разве Добролюбовский «Свисток», в котором подвизался Козьма Пруtkов, освистывал только тупость, косность и бюрократизм дворянских и чиновничьих кругов? И как бы сохранил до наших дней свою сатирическую свежесть Козьма Пруtkов, если бы он воплощал только тупость, косность и бюрократизм дворянских и чиновничьих кругов?

«Свисток» — это родное и любимое детище Добролюбова. Добролюбов был создателем, редактором, вдохновителем «Свистка». К сожалению исследователи литературной личности Козьмы Пруtkова, установившие, кому из коллективных авторов какое принадлежит произведение, не выяснили вопроса об отношениях между этими авторами и Добролюбовым. А в том, что со стороны Добролюбова сильнейшее было влияние на авторов Козьмы Пруtkова, сомневаться не приходится. Об этом убедительно говорит творчество Конрада Лилиеншвагера и Якова Хама, — поэтов, родившихся вместе с Козьмой Пруtkовым. За этими псевдонимами скрывался Добролюбов.

Достаточно прочитать написанное Добролюбовым вступление к «Свистку», чтобы найти источники литературно-сатирического творчества Козьмы Пруtkова. Вот как заканчивается это вступление:

«Итак, читателю да будет известно, что мы свистим не по злобе или негодованию, не для хулы и осмеяния, а единственно от избытка чувств; от сознания красоты и благоустройства всего существующего, от совершеннейшего довольства всем на свете. Наш свист есть соловьиная трель радости, любви и тихого восторга, юношеская песнь мира, спокойствия и светлого наслаждения всем прекрасным и возвышенным.

Итак, наша задача состоит в том, чтобы отвечать кротким и умиленным свистом на все прекрасное, являющееся в жизни и в нас, так как ее современные деятели представляют в своих произведениях неисчерпаемое море прекрасного и благородного. Они водворяют, так сказать, вечную весну в нашей читающей публике, и мы можем безопасно, сидя на ветке общественных вопросов, наслаждаться красотами их творений.

И первый благодарный свист наш да раздастся в честь поэтов, прославляющих ныне русскую землю, то свищет недавно прославленный, исполненный благородства поэт Конрад Лилиеншвагер».

Хорошо известно, какое действие произвел добролюбовский свист в современной литературе. Обозлились и встали надыбы не только тупые, косные и бюрократиче-

КОЗЬМА ПРУТКОВ

Рисунок А. А. Лабуца в «Стрекозе» 1900 г., № 10.

ские дворянские и чиновничьи круги. Пришли в величайшее раздражение, почувствовали себя кровно задетыми столпы либеральной литературы. Обиделся Тургенев. В негодование пришли все «продолжатели» пушкинской поэзии. Свист «Современника» донесся до Лондона, и оттуда Герцен послал «свистунам» свое предостерегающее «Очень опасно!» Не тупую и косную бюрократию вызывал Добролюбов

своим свистом на бой. Напротив, он ядовито освистывал тех либеральных поэтов и писателей, которые целиком растрчивали скудные запасы своего обличительного остроумия на бюрократию и ее грехи, не замечая глубочайших противоречий общественного строя. «Свисток» был легким, оттого не менее серьезным оружием в арсенале тех литературных средств, с которыми русские демократы-революционеры, воинствующие материалисты-фейербахианцы выступили против всей идеалистической литературы, всей идеалистической философии своего времени. Добролюбов освистывал претенциозность, пустое «глубокомыслие», поповщину, сентиментализм, гнилую романтику, лживость этой литературы, поэзии и философии. Этот свист не был конечно ни шуткой, ни забавой.

Добролюбов писал от имени «Свистка»:

«И ныне являюсь я к читателю снова;
Хочу наградить его за терпенье,
Хочу я принести ему свежее слово, —
Насколько возможно в моем положении...
А, впрочем, читатель ко мне благосклонен
И в сердце моем он прекрасно читает:
Он знает, к какому я роду наклонен
И лучше ученых мой свист понимает.
Он знает: плясать бы заставил я дубы
И жалких затворников вывистнул б к воле,
Когда б на морозе не трескались губы,
И свист мой порою не стоил мне боли».

Добролюбову, Чернышевскому и Некрасову — руководителям «Современника» — сатирический свист «стоил порою боли». Этого не испытывали конечно либеральные авторы Козьмы Пруткина. Но они попали в боевую компанию демократов-материалистов, они приняли участие в освистывании идеалистической литературы во всех ее оттенках, они писали пародии на Фета, Майкова, на эпигонов пушкинской поэзии. Они высмеивали «чистое искусство», издевались в компании с Добролюбовым над пустомыслием философов-идеалистов, над преклонением перед античным миром, над всей реакционной трухой, которой украшали себя представители дворянской, идеалистической, «гуманной» литературы. Конечно у Жемчужниковых это выходило несравненно мягче, чем у Добролюбова. Но сатирические ноты врываются в их юмор, и это придало такую заостренность созданному ими образу Козьмы Пруткина.

Именно поэтому Козьма Прутков и не пережил «Свистка». Сатирическое творчество авторов иссякло. Остался безобидный юмор. Граф А. К. Толстой впоследствии писал сатирические пародии на «нигилистов». Им не хватало как раз сатирического яда. Они были плоским реакционным издевательством над демократически-материалистической литературой. Козьма Прутков не мог воскреснуть в позднейшей литературе. Он был случайным эпизодом в литературной биографии Жемчужниковых и Толстого. Они пожалуй охотно отреклись бы от него как от греха своей молодости, если бы не сохранила огромная популярность созданного ими невзначай образа. Скромные либералы, связанные с идеалистическими традициями дворянской литературы и среды, они засветились ярким сатирическим светом, попав в орбиту материалистического и боевого «Свистка».

Козьма Прутков мог бы к самому себе применить свою «Эпиграмму № II».

«Раз архитектор с птичницей спознался...
И что ж? — в их детище смешались две натуры.
Сын архитектора, он строить покушался;
Сын птичницы, он строил только куры».

Две натуры смешались и во всем творчестве Козьмы Пруткина. Сын умеренных либералов, дворян-идеалистов, он способен был только на беззубый юмор, на талантливую шутку, на чистый смех ради смеха. Сын добролюбовского «Свистка» — он дал яркую сатиру, не потерявшую силы до наших дней, на претенциозное пустомыслие.

живость, фальшь идеалистической литературы, поэзии и философии, сатиру на вычурность мысли и слова, надутость, притворство, на то, что сохранилось и в наши дни даже в нашей литературе под именем и в виде идеалистической схоластики, талмудизма в философии, аллилуйшины и пр. в литературе и поэзии.

Из печатаемых ниже произведений Козьмы Пруtkова «Проект о введении единомыслия» был написан в 1863 г. и напечатан в апрельской книжке «Современника», в последнем номере «Свистка». Добролюбова не было уже в живых. Сатирические краски Козьмы Пруtkова в обновленном «Свистке» пожалуй не поблекли, но поражает язык, не совсем привычный для нашего автора. Козьма Пруtkов заговорил явно языком героев Салтыкова. Это в особенности заметно, если сравнить печатаемый ныне оригинал «Проекта» с текстом, напечатанным в «Свистке». Если бы под этим текстом не стояло подписи «Козьма Пруtkов», можно было бы поставить, без риска впасть в ошибку, «Н. Щедрин».

Эта странная, на первый взгляд, перемена в характере, слоге, стиле Козьмы Пруtkова не покажется нам удивительной, если принять во внимание, что в конце 1862 г. Салтыков вошел в состав редакции «Современника», что именно он занялся восстановлением «Свистка», что ему принадлежит редактирование «Свистка» и две трети напечатанных в нем материалов.

В конце декабря 1862 г. Салтыков писал Некрасову: «Слепцов обещал привести ко мне завтра некоторого остроумца с материалами для «Свистка»; если материалы не дурны, то можно и еще кое-что набрать: у Жемчужникова и у другого молодого человека, живущего в Москве, г. Буренина, который уже печатался в «Искре» (М. Салтыков-Щедрин, Письма, ГИЗ, 1925, стр. 35).

Так из встречи Салтыкова с Жемчужниковым и родился «Проект о введении единомыслия», лишний раз подтверждающий указанную выше двойственность натуры Козьмы Пруtkова.

Фельетон «С того света», высмеивающий спиритизм, появился значительно позже — в 1876 г., в «либеральных» «С.-Петербургских Ведомостях». В этой газете, где подвизались Суворин, Буренин и другие будущие нововременцы, Козьма Пруtkов мог дать только то, что вложили в него Жемчужниковы. Не было возле Козьмы Пруtkова ни Добролюбова, ни Салтыкова. В благодушном фельетоне сохранилось остроумие, но нет уже сатирического яда. Либеральный автор подтрунивает над своими же либеральными друзьями, увлеченными столоверчением. Этот Пруtkов суворинского газетного заведения мало общего имеет с Пруtkовым добролюбовского «Свистка».

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ И А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВ
В УСАДЬБЕ «ПУСТЫНЬКА» В 1851 г.

О акварели, хранящейся в Институте Русской
Литературы

I

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Я знаю, читатель, что тебе хочется знать, почему я так долго молчал. Мне понятно твое любопытство. Послушай и вникни: я буду говорить с тобой, как отец с сыном.

В обществе заговорили о каких-то новых потребностях, о каких-то новых вопросах... Я — враг всех так называемых вопросов! Я не годовал в душе — и готовился!.. Я готовился поразить современное общество ударом, но гг. Григорий Бланк, Николай Безобразов и пр. предупредил меня... Хвала им, — они спасли меня от посрамления!

Наученный их опытом, я решился идти за обществом. Сознаюсь, читатель: я даже повторял чужие слова против убеждения!.. Так прошло более трех лет. Время показало мне, что я боялся напрасно. Общество наше оклеветано: оно изменилось только по наружности... Мудрый смотрит в корень; я посмотрел в корень... Там все попрежнему: там много неоконченного (*d'inachevé*)!.. Это успокоило меня. Я благословил судьбу и вновь взялся за лиру!.. Читатель, ты понял меня! До свиданья!

24 октября 1859 г. (*annus, i*).

Твой доброжелатель Козьма Прутков.

II

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ЗАПИСОК МОЕГО ДЕДА

ВИДНО, ЧТО И В ДРЕВНОСТИ НЕ МАЛУЮ К ПИСАНИЮ СКЛОННОСТЬ
ИМЕЛИ И В ПЛУТОВАТОСТИ ПОЧАСТУ УПРАЖНЯЛИСЬ

Некогда великий Александр, ирой Македонский, осведомясь, что жители Лампсакийские от него изменнически отстали и персской стороны держаться зачали, толико ожесточен стал сею их поступкою, что всех до одного истребить пригрозил и с не малым для того войском к мятежным Лампсакийцам неотложно выступил. То однажды, в сем походе пребывая и на пути в одном из славных дворцов своих замешкав, царь сей Македонский, от небреженья здоровья своего, нарочитый насморк себе приобрел, и по предписанию знатного, при нем бывшего, Сиракузского врача, Менекратом именуемого, единожды сальную свечу от гофмейстера своего спросил, дабы оною нос свой от той неотвязной болезни накрепко вымазать. То лукавые дворца его смотрители и после отъезда Александрова через долгое время каждодневно по сальной свечи в расход вписывали, не малую от того для себя прибыль имея, и для порядка законно по делу сему особую тетрадь завели, таковой на оной заголовок искусно надписав: «Дело об отпуске сальных свеч для смазывания августейшего носа». Однако премудрый ирой Македонский, нисколько на то не взирая, а напротив того опосля про таковую хитрость их узнав, примерно наказанию оных изменников публично подверг, и для страха всю ту историю на мраморной в наилучшем из дворцов своих доске крупными литерами изобразить повелел, ни мало имен тех прежних любимцев своих скрывать не желая.

III

ПРОЕКТ

О ВВЕДЕНИИ ЕДИНОМЫСЛИЯ В РОССИИ

Этот черновой проект, написанный Козьмою Прутковым в 1859 году, был напечатан в журнале «Современник» лишь по смерти К. Пруtkова, в 1863 году, книга IV. В подлиннике, вверху его, находится надпись:

Кто не служит, значит недостойн, стало быть и слушать его нечего. — С этой стороны еще никто не колебал авторитета наших писателей; — я первый. (Наперетъ на то, что я — первый. Это может помочь карьере. Далее развить то же, но в других выражениях, сильнее и подробнее.)

Т р а к т а т: Очевидный вред различия во взглядах и убеждениях. Вред несогласия во мнениях. «Аще царство на ся разделится» и пр. Всякому русскому дворянину свойственно желать не ошибаться; но, чтоб удовлетворить это желание, надо иметь материал для мнения. Где же этот материал? — Единственным материалом может быть мнение начальства. Иначе нет ручательства, что мнение безошибочно. Но как узнать мнение начальства? Нам скажут: оно видно из принимаемых мер. Это правда... Гм! нет! это неправда! Правительство нередко таит свои цели из-за высших, государственных соображений, недоступных пониманию большинства. Оно нередко достигает результата рядом косвенных мер, которые могут, повидимому, противоречить одна другой, будто бы не иметь связи между собою. Но это лишь кажется! Они всегда взаимно соединены секретными шолнерами единой государственной идеи, единого государственного плана; и план этот поражает ум своею громадною и своими последствиями! Он открывается в неотвратимых результатах истории. — Как же подданному знать мнение правительства, пока не наступила история? Как ему обсуждать правительственные мероприятия, не владея ключом их взаимной связи? — «Не по частям водочерпательницы, но по совокупности ее частей суди об ее достоинствах». Это я сказал еще в 1842 г. и доселе уверен в справедливости этого замечания. Где подданному уразуметь все эти причины, поводы, соображения; разные виды, с одной стороны, и усмотрения с другой?!.. Никогда не понять ему их, если само правительство не даст ему благодетельных указаний. В этом мы убеждаемся ежедневно, ежечасно, скажу, ежеминутно. Вот почему иные люди, даже вполне благонадежные, сбиваются иногда злонамеренными толкованиями; — у них нет сведений: какое мнение справедливо? Они не знают: какого мнения надо держаться? Не могу пройти молчанием... (Какое славное выражение! Надо чаще употреблять его; оно как бы доказывает обдуманность и даже что-то вроде великодушия.) — Не могу пройти молчанием, что многие признаны, оказывается, злонамеренными единственно потому, что им не было известно: какое мнение угодно высшему начальству? Положение этих людей невыразимо тягостное, даже смело скажу: невыносимое!

З а к л ю ч е н и е: На основании всего вышеизложенного, и принимая во внимание: с одной стороны, необходимость, особенно в нашем странном отечестве, установления единообразной точки зрения на все общественные потребности и мероприятия правительства; с другой же стороны, невозможность достижения сей цели без дарования подданным надежного руководства к составлению мнений; — не скрою... (опять отличное выражение! Непременно буду его употреблять чаще) — не скрою, что целесообразнейшим для сего средством было бы учреждение такого официального повременного издания, которое давало бы руководительные взгляды на каждый предмет. Этот правительственный орган, будучи поддержан достаточным, полицейским и административным, содействием властей, был бы для общественного мнения необходимою и надежною звездою, маяком, вехою. Пагубная склонность человеческого разума обсуждать все происходящее на земном круге была бы обуздана и направлена к исключительному служению указанным целям и видам. Установилось бы одно господствующее мнение по всем событиям и вопросам. Можно бы даже противодействовать развивающейся склонности возбуждать «вопросы» по делам общей и государственной

жизни, ибо: к чему они ведут? ¹ Истинный патриот должен быть враг всех так называемых «вопросов»!

С учреждением такого руководительного правительственного издания, даже злонамеренные люди, если бы они дерзнули быть иногда несогласными с указанным «господствующим» мнением, естественно ² будут остерегаться противоречить оному, дабы не подпасть подозрению за инакомыслие, и можно даже ручаться, что каждый, желая спокойствия своим детям и родственникам, будет и им внушать уважение к «господствующему» мнению, и таким образом благодетельные последствия предлагаемой меры отразятся не только на современном, но даже на самом отдаленном потомстве.

Зная сердце человеческое и коренные свойства русской народности, могу с полным основанием поручиться ³ за справедливость всех моих выводов, но, тем не менее, скажу откровенно, что, для обеспечения успеха проектируемой меры, необходимо заблаговременно озаботиться приглашением лица, которое...

Редактором должен быть человек достойный во всех отношениях, известный своим усердием и своею преданностью, пользующийся славой литератора, несмотря на свое нахождение на правительственной службе, и готовый для пользы правительства пренебречь общественным мнением и уважением, вследствие твердого убеждения в их полнейшей несостоятельности. Конечно, подобный человек заслуживал бы достаточное денежное вознаграждение и награды чинами и орденскими отличиями. Не смею предлагать себя для такой должности, по свойственной мне скромности. Но я готов жертвовать собою, до последнего издыхания, для бескорыстной службы нашему общему престол-отечеству, если только это будет согласно с предначертанием высшего начальства. Долговременная и беспорочная служба моя по министерству финансов, в Пробириной Палатке, дала бы мне, между прочим, возможность благоприятно разъяснить и разные финансовые вопросы, согласно с видами правительства. Разъяснения же эти бывают часто почти необходимы, в виду стеснительного положения финансов нашего дорогого ⁵ отечества.

Повергая сей недостойный труд мой на снисходительное усмотрение высшего начальства, дерзаю льстить себя надеждою, что он не поставится мне в вину, служа несомненным выражением усердного желания преданного человека: принести посильную услугу столь высоко уважаемой им благонамеренности.

1859 года (annus,i)

Примечание. В числе разных заметок на полях этого проекта находятся следующие, которые Козьма Прутков, вероятно, желал развить в особых проектах:

1) «Велеть всем редакторам частных печатных органов перепечатывать руководящие статьи из официального органа, дозволяя себе только их повторение и развитие» и 2) «Вменить в обязанность всем начальникам отдельных частей управления: неусыпно вести и постоянно сообщать в одно центральное учреждение списки всех лиц, служащих под их ведомством, с обозначением против каждого: какие получает журналы и газеты? И не получающих официального органа, как не сочувствующих благодетельным указаниям начальства, отнюдь не повышать ни в должности, ни в чины и не устаивать ни наград, ни командировок».

Вообще в портфелях покойного Козьмы Пруткова, на которых отпечатано золотыми буквами: «Сборник неоконченного» (d'inachevé), содержится весьма много любопытных документов, относящихся к его литературной и государственной деятельности. Может быть из них еще будет что-либо извлечено для печати.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ После слов «к чему они ведут?» зачеркнуто: «Ибо частные люди не призваны к этому. Это дело правительства. Возбуждением «вопросов» нарушается уверенность в самостоятельной зоркости правительства. Нарушается спокойствие! Истинный дворянин и патриот всегда враг всех так называемых «вопросов».

² После слова «естественно» зачеркнуто: «остерегались бы противоречить, опасаясь за себя и за своих присных. А люди благонамеренные, напротив, знали бы, в чем противодействовать злонамеренным. Притом истинные христиане, желая спокойствия своим детям и родственникам, неминуемо старались бы внушить им уважение к тому «господствующему» мнению, и таким образом, вследствие сего благодетельные последствия предлагаемой меры отразились бы».

³ После слова «поручиться» зачеркнуто: «за успех предлагаемой мной меры. Но самым важным условием успеха будет выбор редактора для такого правительственного органа».

⁴ Фраза в подлиннике не закончена.

⁵ После слова «дорогого» вычеркнуто: «престол».

IV

НЕИЗДАННЫЕ МЫСЛИ И АФОРИЗМЫ

ПЛОДЫ РАЗДУМЬЯ

1.

Отыщи всему начало, и ты многое поймешь.

2.

Новые сапоги всегда жмут.

3.

Если бы вся вселенная обратилась в одно государство, то можно было повсюду установить одинаковые законы.

4.

Пруссия должна быть королевством.

5.

Если бы хоть одна настоящая звезда упала на заслуженную грудь, то не осталось бы ни того человека, ни даже самых отдаленных его единомышленников.

6.

Одно легкомыслие может восставать против какого-либо труда. Всякий труд полезен тем, что убивает время, которое, однако, нисколько от этого не уменьшается.

7.

У человека для того поставлена голова вверх, чтобы он не ходил вверх ногами.

8.

Пруссак есть один из наиболее назойливых насекомых.

9.

Очень многие подтверждают мою мысль, что ветер есть дыхание природы.

V

[С ТОГО СВЕТА]

Г. Редактор!

Уволенный в отставку с чином генерал-майора, я желал чем-либо занять свободное время, которого у меня было слишком много; и вот я принялся внимательно читать газеты, не ограничиваясь, как бывало прежде, чтением лишь о производствах и наградах.

Заинтересовавшись наиболее статьями о спиритизме, я возымел мысль собственным опытом исследовать явления, о которых читал и которые, сознаюсь, уму простому моему казались очень бестолковыми.

Я приступил к делу с полным недоверием, но каково же было мое изумление, когда после нескольких неудачных опытов обнаружилось, что я сам медиум! Не найду слов, чтоб изобразить вам, милостивый государь, радость, меня охватившую от одной мысли, что отныне мне, как медиуму, возможно беседовать с умными и великими людьми загробного мира.

Не будучи горазд в науках, но всегда пытаюсь объяснить необъяснимое, я уже давно пришел к тому убеждению, что душа человека умершего, несомненно, пребывает в местности, куда особенно он стремился при жизни. На этом основании я пробовал вопрошать покойника Дибича, — находится ли он и в настоящее время за Балканами¹? Не получая ответа на этот и многие другие вопросы, с которыми я обращался к разным сановным покойникам, я начинал конфузиться, приходил в отчаяние и даже задумывал бросить занятие спиритизмом, как вдруг внезапно раздавшийся стук под столом, за которым я сидел, заставил меня вздрогнуть, а затем и окончательно растеряться, когда над ушами моими чей-то голос очень ясно и отчетливо произнес: «не жалуйся!».

Первое впечатление страха вскоре заменилось полным удовольствием, ибо мне открылось, что дух, со мною беседующий, принадлежит поэту, глубокому мыслителю и государственному человеку, покойному действительному статскому советнику Козьме Петровичу Пруткову. С этого момента моим любимым занятием сделалось писать под диктант этого почтенного литератора.

Но так как, по воле знаменитого покойника, я не в праве держать в секрете то, что от него слышу, то предлагаю вам, милостивый государь, через посредство уважаемой газеты вашей знакомить публику со всем, что уже слышал и что впредь доведется мне услышать от покойного К. П. Прутова. Примите уверение в совершенном почтении вашего почторного слуги.

NN, Генерал-майор в отставке и кавалер.

С ТОГО СВЕТА

I

Здравствуй, читатель! После долгого промежутка времени, я опять говорю с тобой. Ты, конечно, рад моему появлению. Хвалю. Но конечно, ты не мало и удивлен, потому что помнишь, что в 1865 г. (anpus,i), в одной из книжек «Современника» (ныне упраздненного), было помещено известие о моей смерти².

Да, я, действительно, умер; скажу более, мундир, в котором меня похоронили, уже истлел; но, тем не менее, я вот-таки снова беседую с тобой. Благодарю за это друга моего NN.

Ты, верно, уже догадался, что NN медиум? Хорошо. Вот именно через него-то я и могу говорить с тобой.

Мне давно хотелось поведать тебе о возможности для живущих сноситься с умершими, но не мог этого сделать ранее, потому что не было подходящего медиума.

Нельзя же было мне, умершему в чине действительного статского советника, являться по вызову медиумов, не имеющих чина, например, Юма, Бредифа и К°. Что бы подумали бывшие мои подчиненные, чиновники Пробринной Палатки, если б дух мой, вызванный кем-либо из упомянутых чужестранцев, стал бы под столом играть на гармонике или хватать присутствующих за коленки? Нет, я за гробом остался тем же гордящимся дворянином и чиновником!

Из сказанного, я думаю, ты уже догадался, что избранный мною медиум человек вполне солидный, и ежели я скрываю его под литерами NN, то не потому, чтоб он принадлежал к разряду разночинцев, а потому, что хотел избавить моего медиума, почтенного и опытного умудренного генерала, от зубоскальства современных либералов.

Вступая снова с тобою в беседу, через посредство моего медиума, считаю нужным сообщить тебе следующее: ты ведь читал, и, вероятно, не один раз, некролог обо мне, а, следовательно, помнишь, что я был женат на девице Проклеветантовой. Один из ее родственников, губернский секретарь Илиодор Проклеветантов, служил под моим начальством в Пробринной Палатке.

Я всегда был начальник строгий, но справедливый, и в особенности не любил потакать вольнодумцам. Так случилось и с Проклеветантовым, которого, не взирая на родство, я уволил по 3-му пункту и, разумеется, нажил в нем себе врага.

Этот знаменитый родственник не только делал мне неприятности при жизни, но, и умерев, не оставляет меня в покое. Так, еще недавно, например, он хвалился между некоторыми сановными покойниками, что осрамил меня, рассказав через какого-либо медиума о том, что я являлся на сеансах Юма и под столом играл на гармонике!.. Сообщением сим Проклеветантов рассчитывает унизить меня, подорвать мою репутацию; но пусть лучше, ближе ознакомившись с делом, ты сам решишь, читатель: заслуживает ли порицания мой поступок? Да, однажды, действительно, по вызову Юма, я, в одном из его сеансов, не только под столом играл на гармонике, но и бросал колокольчик и даже хватал чужие коленки. Но, во-первых, это было в Париже, во дворце Наполеона, где ни одного из бывших моих подчиненных чиновников Пробринной Палатки не было, а, во-вторых, я это делал, желая отомстить Наполеону за сына моего Парфена, убитого под Севастополем!

После сего сеанса, вступив в непосредственные сношения с самим Наполеоном, я внушил ему мысль начать войну с Пруссией! Я руководил его

А. К. ТОЛСТОЙ В ЮНОСТИ

Деревянный бюст работы Н. Кузнецова, хранящийся в Институте Русской Литературы

в Седане! Унизил ли я этим звание, которое носил? Отнюдь. Теперь, зная дело, как оно было, от степени твоей благонамеренности зависит верить сплетням Проклеветантова.

Но довольно об этом. Есть многое, более интересное, о чем хочу поговорить с тобою. Ты, ведь, помнишь, что я не любил праздности? Я и теперь не сижу, сложа руки, и постоянно думаю о благе и преуспеянии нашего отечества.

В бывшем соредакторе «Московских Ведомостей», Леонтьеве³, недавно сюда переселившемся, я нашел себе большое утешение. Мы часто беседуем друг с другом, и еще не было случая, чтоб взгляды наши в чем-либо расходились. И это не мудрено: мы оба классики. Правда, моя любовь к классицизму всегда выражалась почти только словом *appuis*, i, выставляемым на моих произведениях; но разве этого мало? Ведь в то время классицизм не был в таком почете, как теперь...

П р и м е ч а н и е м е д и у м а. (Всем известно строго консервативное направление незабвенного К. П. Пруткова; его беспримерная нравственность и чистота даже сокровеннейших помыслов, конечно, не могут быть заподозриваемы; но, тем не менее, я должен был, по личным моим соображениям, выпустить кое-что из предлагаемого рассказа, усмотрев, что долготелее пребывание покойника в качестве духа приучило его к некоторому свободомыслию, против которого он сам так горячо ратовал при жизни. Да простят же мне читатели, если, вследствие сделанных мною пропусков, продолжение сей беседы вышло несколько неясно.)

В защиту вышеизложенного есть тонкий, косвенный намек в известных моих афоризмах: «что скажут о тебе другие, если сам о себе ты ничего сказать не можешь?» или «поощрение так же необходимо художнику, как необходим канифоль для смычка виртуоза!»

Но, руководствуясь этими двумя мудрыми советами, основанными на практике жизни, помни и третье, очень умное, хотя и коротенькое, изречение — «Бди!». Это, повидимому, очень коротенькое, слово имеет значение весьма глубокое. Сознательно, или инстинктивно, но всякая тварь понимает смысл сего, слишком, быть может, коротенького слова. Быстролетная ласточка и сладострастный воробей укрываются под крышею здания правды. Налим, спокойно играющий в реке, мгновенно прячется в нору, заметив приближение дьякона, наводстрившегося ловить эту рыбу руками. Двуутробка забирает своих детенышей и устремляется на верхушку дерева, услышав треск сучьев под ногами кровожадного леопарда. Матрос, у которого во время сильного шторма унесло в море его фуражку с ленточками, не бросается в волны спасать эту казенную вещь, потому что заметил уже хищную акулу, разинувшую свой гадкий рот с острыми зубами, чтоб проглотить и самого матроса и другие казенные вещи, на нем находящиеся.

Но природа, охраняющая каждого от грозящей ему опасности, не без умысла, как надо полагать, допустила возможность зверю и человеку забывать это коротенькое слово: «бди». Дознано, что ежели бы это слово никогда и никем не забывалось, то вскоре на всем земном шаре не отыскалось бы достаточно свободного места.

II

Мне мудрено, любезный друг NN, отвечать на все предлагаемые тобою вопросы. Ты слишком много от меня требуешь. Довольствуйся теми моими сообщениями о загробной жизни, которые я в праве передать тебе, и не пытайся проникать в глубь, долженствующую оставаться тайною для живущего. Возьми же карандаш и против каждого сделанного тобою вопроса записывай то, что буду говорить.

АЛЕКСЕЙ ЖЕМЧУЖНИКОВ

О фотографии (1859 г.),
хранящейся в Институте
Русской Литературы

Вопрос. Какое впечатление испытывает умерший в первые дни своего появления на том свете?

Ответ. Очень странное, хотя и различное для каждого. Оно находится в прямой зависимости от нашего образа жизни на земле и усвоенных нами привычек.

Расскажу лично о себе. Когда, после долгих болезненных страданий, дух мой освободился от тела, я почувствовал необыкновенную легкость и первое время не мог дать себе ясного отчета о том, что со мною происходит.

На пути полета моего в беспредельное пространство мне довелось повстречаться с некоторыми прежде меня умершими начальниками, и первую при этом у меня мыслью было застегнуть свой виц-мундир и поправить орденский знак на шее. Ощупывая и не находя ни ордена, ни гербовых пуговиц, я невольно оторопел. Мое смущение увеличилось еще более, когда, осмотревшись, я заметил, что вовсе не имею никакой на себе одежды.

В ту же минуту в памяти моей воскресла давным-давно виденная мною картина, изображающая Адама и Еву после падения; оба они, устыдясь своей наготы, прячутся за дерево. Мне стало жутко от сознания, что и я много согрешил в жизни и что мундир мой, ордена и даже чин действительного статского советника уже не прикроют собою моей греховности. Я с беспокойством стал озираться вокруг себя, стараясь отыскать хотя бы маленькое облачко, за которое мог бы укрыться, но ничего не находил!

Взор мой, тоскливо блуждая, остановился на земле, где не без труда отыскал болотистую местность Петербурга, а на одной из его улиц заметил погребальное шествие. Это были собственные мои похороны! Внимательно всматриваясь в сопровождавших печальную колесницу, везшую мои бранные останки, я был неприятно поражен равнодушным выражением лиц у многих из моих подчиненных. В особенности же меня глубоко огорчила неуместная веселость моего секретаря Люсилина, еготившего около назначенного на мое место статского советника Венцельхозена.

Такая видимая неблагодарность в тех, кого более других я возвышал и награждал, вызвала на глазах моих слезы. Уже чувствовал, как они, катясь по обеим щекам, соединялись в одну крупную каплю на кончике моего носа, и хотел было утереться носовым платком, но остановился. Я понял, что это обман чувств. Я ведь дух, сле-

В. М. ЖЕМЧУЖНИКОВ

О фотографии (1860 г.), хранящейся в Институте
Русской Литературы

довательно, ни слез, ни капли на носу, ни даже самого носа быть у меня не могло. Подобный обман чувств повторялся со мною неоднократно, пока я не привык, наконец, к новому своему положению.

Под массою новых впечатлений, я в первый день и не заметил, что ничего не ел, не был в присутствии и не занимался литературою; но на второй и последующие дни невозможность удовлетворить все эти привычки сильно меня озадачила. Наибольшую же неловкость я ощущал, вспоминая, что завтра именины моего начальника и благодетеля, и что я уже не приду к нему с обычным поздравлением.

Затем мне пришла мысль сообщить моей вдове о необходимости отслужить в этот день (как то бывало при мне) молебствие о здравии моего начальника и его семьи, и продолжать расходоваться на эти молебствия до тех пор, пока она не получит официального уведомления о назначении ей единовременного пособия и пенсии за службу мою. Дело уладилось, однако, само собою; вдова моя, как умная женщина, исполнила сама все, без стороннего наставления.

Вопрос. Как правильнее сказать: желудочный кофе или желудочный кофе?

Ответ. На такие глупые вопросы не отвечаю.

Вопрос. Имел ли Наполеон III предчувствие, что скоро умрет?

Ответ. Всякий может отвечать только за себя, а потому спроси его, если уж так интересуешься этим. К тому же ты и сам можешь смекнуть, что, будучи его руководителем в последней войне, мне неловко встречаться с ним, а тем более вступать в разговоры.

Вопросы: 1) Какую форму или, лучше сказать, какой внешний вид получает душа умершего?

2) В чем состоит времяпровождение умерших?

3) Могут ли умершие открыть нам, живущим, то, что нас ожидает в жизни?

4) Виновен ли Овсянников в поджоге кокоровской мельницы?

5) Действительно ли виновна игуменья Митрофания?

(Все эти пять вопросов остались без ответа).

III

Тот, кто думает, будто явившийся по призыву медиума дух может отвечать на все предлагаемые ему вопросы, забывает, что и дух подчинен известным законам, нарушить которые он не в праве.

Неосновательны и те, которые полагают, что показываемые различными медиумами руки каких-то умерших китайских и индийских девиц действительно принадлежат сим девицам, а не шарлатанам-медиумам. Разве может дух иметь какие-либо члены человеческого тела? Вспомни мой рассказ о том, как, желая утереть слезы и каплю на своем носу, я не нашел у себя ни слез, ни капли, ни даже носа.

Если допустить, что дух может иметь руки, то почему же не предположить, что ветер движется посредством ног? И то, и другое одинаково нелепо.

Как люди разделяются на дурных и хороших, так точно и духи бывают хорошие и дурные. А потому будь осмотрителен в своих сношениях с духами и избегай между ними неблагонамеренных. К последним принадлежит, между прочим, Илиодор Проклеветантов, о котором мною уже выше было сказано.

Не всякий дух является на призыв медиума. Являются и отвечают только те из нас, которые слишком были привязаны ко всему земному, а потому и за гробом не перестают интересоваться всем, что у вас делается. К этой категории принадлежу и я, с моим неудовлетворенным честолюбием и жаждою славы.

таты его предположений будут именно те, а не другие. Но разве всегда его ожидания сбываются? Отнюдь. Нередко получаются результаты самые неожиданные и даже совершенно противоположные.

Чего бы, казалось, естественнее встретить у лошади хотя бы попытку на сопротивление, когда ты делаешь ей неприятность по носу, но кто же станет оспаривать справедливость известного моего афоризма: «щелкни кобылу в нос, она махнет хвостом»?

Поэтому я и не могу предвидеть теперь, перестану ли и тогда интересоваться тем, что делается у вас, на земле, когда имя мое будет греметь даже между дикими племенами Африки и Америки, особенно ирокезцами, которых я всегда издали и платонически любил за их звучное прозвание⁵.

IV

В первых беседах, напечатанных моим медиумом в № 84 «Спб. Ведомостей», вкрались ошибки. Сожалею, но не огорчаюсь, так как помню, что делать ошибки свойственно каждому. Не огорчаюсь и тем, что мой медиум вовсе исключил некоторые места из моих рассуждений. Но не скрываю от тебя, читатель, что меня сердит сделанная им глупая оговорка, будто бы те места им выпущены вследствие усмотренного в них *с в о б о д о м ы с л я*!

Клевета! Свободомыслие в суждениях человека, благонамеренности которого завидовал даже сам покойный Б. М. Федоров⁶.

Очевидно, заблуждение моего медиума происходит от излишней осторожности. А излишество, как тебе известно, благоразумно допускать только в одном случае — при восхвалении начальства.

В оставшемся после меня портфеле с надписью «Сборник неоконченного» (d'inachevé) есть, между прочим, небольшой набросок, озаглавленный: «О том, какое надлежит давать направление благонамеренному подчиненному, дабы стремления его подвергать критике деяния своего начальства были бы в пользу сего последнего».

Основная мысль этого наброска заключается в том, что младший склонен обсуждать поступки старшего и что результаты такого обсуждения не всегда могут быть для последнего благоприятны.

Предполагать, будто какие-либо мероприятия способны уничтожить в человеке его склонность к критике, так же нелепо, как пытаться объять необъятное. Следовательно остается одно:

Право обсуждения действий старшего ограничить предоставлением подчиненному возможности выражать свои чувства благодарственными адресами, поднесением званий почетного мирового судьи или почетного гражданина, устройством обедов, встреч, проводов и т. п. чествований.

Отсюда проистекает двойное удобство: во-первых, начальник, ведая о таковом праве подчиненных, поощряет добровольно высказываемые ими чувства и в то же время может судить о степени благонамеренности каждого. С другой стороны, польщено и самолюбие младших, сознающих за собою право разбирать действия старшего.

Кроме этого, сочинение адресов, изоцряя воображение подчиненных, не мало способствует к усовершенствованию их слога.

Я поделился этими мыслями с одним из губернаторов и впоследствии получил от него благодарность, так что, применив их в своем управлении, он вскоре сделался почетным гражданином девяти подвластных ему городов, а слог его чиновников стал образцовым. Суди сам по следующему адресу, поданному ими начальнику по случаю нового года.

«Ваше превосходительство, отец, сияющий в небесной добродетели!

В новом годе, у всех и каждого, новые надежды и ожидания, новые затеи, предприятия, все новое. Неужели ж должны быть новые мысли и чувствования? Новый год не есть новый мир, новое время; первый не возрождался,

последнее неовозвратимо. Следовательно: новый год есть только продолжение существования того же мира, новая категория жизни, новая эра воспоминаний всем важнейшим событиям!

Когда же приличнее, как не теперь, возобновить нам сладкую память о благодетеле своем, поселившемся на вечные времена в сердцах наших?

Итак, приветствуем вас, превосходительный сановник и почетный гражданин, в этом новом летосчислении, новым единокдушным желанием нашим быть столько счастливым в полном значении этого мифа, сколько возможно человеку наслаждаться на земле в своей сфере; столько же быть любимому всеми милыми вашему сердцу, сколько мы вас любим, уважаем и чествуем!

Ваше благоденствие есть для нас милость божия, ваше спокойствие, — наша радость, ваша память о нас — высшая земная награда!

Живите же, доблестный муж, Мафусаилов век для блага потомства! Мужайтесь новыми силами патриота для блага народа. А нам остается молить сердцеведца о ниспослании вам сторицею всех этих благ со всею фамильною церковью вашею на многие лета!

Эти чистосердечные оттенки чувств посвящают вашему превосходительству благодарные подчиненные».

К сожалению, насколько мне известно, еще никто из сановников не воспользовался вполне советами, изложенными мною в вышеупомянутом наброске. А, между тем, строгое применение этих советов на практике не мало бы способствовало и к улучшению нравственности подчиненных. Следовательно, устранилась бы возможность повторения печальных происшествий, вроде описываемого мною ниже, случившегося в одном близком мне семействе.

Глафира спотыкнулась
На отчий несессер,
С испугом обернулась:
Пред нею офицер.
Глафира зрит улана,
Улан Глафиру зрит,
Вдруг — слышит — из чулана
Тень деда говорит:
«Воинственный потомок,
Храбрый из людей,
Смелей, не будь же робок
С Глафиною моею.
Глафира! Из чулана
Приказываю я:

А. К. ТОЛСТОЙ

О акварели (1853 г.), хранящейся в Институте Русской Литературы

Люби сего улана,
Возьми его в мужья.
Схватив Глафиры руки,
Спросил ее улан:
«Чьи это, Глаша, штуки?
Кем занят сей чулан?»
Глафира от испугу
Бледнеет и дрожит
И ближе жметя к другу.
И другу говорит:
«Не помню я наверное,
Минуло сколько лет
Нас горе беспримерное
Постигло — умер дед.

При жизни он в чулане
 Все время проводил
 И только лишь для бани
 Оттуда выходил».
 С омущением внимает
 Глафира офицер
 И знаком приглашает
 Итти на бельведер.
 «Куда Глафира, лезешь?»
 Незримый дед кричит.
 «Куда? Кажись, ты бредишь?»
 Глафира говорит:
 «Ведь сам велел из гроба,
 Чтоб мы вступили в брак?»
 «Ну-да, зачем же оба
 Стремитесь на чердак?
 Идите в церковь, прежде
 Свершится пусть обряд,
 И в праздничной одежде
 Вернувшись назад,

Быть всюду, коли любо,
 Вы можете вдвоем».
 Улан же молвил грубо:
 «Нет, в церковь не пойдем,
 Обычай басурманский
 Везде теперь введен,
 Меж нами брак гражданский
 Быть может заключен».
 Мгновенно и стремительно
 Открылся весь чулан,
 И в грудь толчок внушительный
 Почувствовал улан.
 Чуть-чуть он не свалился
 По лестнице крутой.
 И что есть сил пустился
 Стремглав бежать домой.
 Сидит Глафира ночи,
 Сидит Глафира дни,
 Рыдает, что есть мочи,
 Но в бельведер — ни-ни!

Примечание. С некоторого времени в «Петербургской Газете» кто-то помещает свои сочинения под именем К. Прутков младший⁷.

Напоминаю тебе, читатель, что всех Прутковых, подвизавшихся на литературном поприще, было трое: мой дед, отец и я. Из моих же многочисленных потомков никто, к сожалению, не наследовал литературного таланта. Следовательно, я, по-настоящему, и должен бы именоваться «младшим». А потому, во избежание недоразумений, объявляю, что ничего не имею общего с автором статей, помещаемых в «Петербургской Газете»; он не только не родственник мне, но даже и не однофамилец.

К. П. Прутков

С подлинным верно. Медиум NN.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дибич-Забалканский, Иван Иванович (1785—1831) — главнокомандующий русской армией во время турецкой кампании 1829 г., приведшей к занятию Андрианополя. Забалканский было прибавлено к фамилии Дибича «в награду» за эту кампанию.

² На самом деле некролог был помещен в кн. IV «Современника» за 1863 г.

³ Леонтьев, Павел Михайлович (1822—1874) — профессор римской литературы, реакционный журналист. Ближайший сотрудник М. Н. Каткова по «Русскому Вестнику» и «Московским Ведомостям». Один из пропагандистов «классической системы образования».

⁴ Большой шум и многочисленные отклики в газетной прессе 1875—1876 гг. вызвал процесс С. Т. Овсянникова, арендатора паровой мельницы, обвинявшегося в ее поджоге с корыстными целями, и процесс игуменьи Митрофании (баронессы Прасковии Григорьевны Розен), уличенной в выдаче фальшивых векселей (см. об этом подробнее А. Ф. Кони, «На жизненном пути», т. I).

⁵ Здесь кончается первая половина фельетона, датированная 24 марта 1876 г. *appus, i).*

⁶ Борис Михайлович Федоров — журналист, третьестепенный поэт и детский писатель. Служил в III Отделении. Известна эпиграмма С. А. Соболевского: «Федорова Борьки» Мадригалы горьки, Эпиграммы сладки, А доносы гадки...».

⁷ Под этим псевдонимом писал Д. Д. Минаев.

НЕИЗДАННЫЕ И ЗАБЫТЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
КОЗЬМЫ ПРУТКОВА

I

Вопреки общераспространенному мнению, «Полное собрание сочинений» Козьмы Пруtkова явилось не результатом предварительного печатания отдельных стихотворений мнимого директора Пробирной Палатки, а, наоборот, журнальные публикации стали печататься вследствие невозможности осуществить задуманное издание полного собрания сочинений. В неопубликованном письме В. М. Жемчужникова к А. Н. Пыпину от 6 февраля 1883 г. сообщаются любопытные сведения о зарождении Пруtkова. Упомянув о комедии «Фантазия» и о баснях «Незабудки и запятки», «Цапля и беговые дрожки»,

Видеоролик из архива моего деда

Продолжение.

Знаете? Прочитайте о себе самиздат, в предисловии, написанном мною в 1960 году в «Ералаше» Современника. И там же не забудьте указать, что это еще предисловие, так, что материал от дедушки остался, но в нем много не только, но и совсем не /нашего/.

Мой добрый знакомый

Козьма Пруtkов

11 мая 1960 год ачмш, 1

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ КО ВТОРОЙ СЕРИИ «ВЫДЕРЖЕК ИЗ ЗАПИСОК МОЕГО ДЕДА»,
ПОМЕЩЕННОЕ В «ИСКРЕ» 1860 г., № 31

Почерк В. М. Жемчужникова стилизован под бюрократическую манеру воображаемого
Пруtkова

О подлинника, хранящегося в архиве А. М. Жемчужникова (ленинградское отделение
Центрархива)

«Кондуктор и тарантул» и др., написанных Александром и Алексеем Жемчужниковыми летом 1851 г. в их орловском имении, Владимир Жемчужников продолжает: «Шутка эта повторялась и по возвращении нашем в СПб и вскоре привела меня с братом Алексеем и гр. А. Толстым (брат Александр был в то время на службе в Оренбурге) к мысли писать от одного лица, способного во всех родах творчества. Эта мысль завлекла нас, и создавался тип Козьмы Пруtkова. К лету 1853 г., когда мы снова проживали в елецкой деревне, набралось уже очень достаточно таких произведений; а летом прибавилась к ним комедия «Блонды», написанная братом Александром при содействии брата Алексея и моем. Осенью, по соглашению с А. Толстым и братом моим Алексеем, я занялся окончательно редакциею всего подготовленного».

Тогда же, не позднее апреля 1854 г., был нарисован знаменитый портрет Пруtkова, навлекший подозрения цензора и вызвавший запрещение опубликовать литографированные оттиски. Когда в связи с этим издание расстроилось, прутковские материалы были переданы редакции «Современника», с которой Жемчужниковы и А. Толстой были в дружеских отношениях. Специально для этих произведений был заведен особый отдел «Ералаш», в пяти тетрадях которого они были напечатаны. В конце 1854 г. в виду

отъезда Вл. Жемчужникова сперва на службу в Тобольск, а затем вместе с гр. Толстым, на театр военных действий, в Крым, печатание прутковских материалов прекратилось.

Вторичное выступление Пруткова началось с 1860 г., когда при близком участии Добролюбова в «Современнике» организовался более едкий и политически заостренный отдел «Свисток», ставивший себе уже не юмористические цели, как «Ералаш», а сознательно-сатирические. Редакционные предисловия к «Новым творениям» Пруткова, написанные, как устанавливается по рукописям, хранящимся в Институте Русской Литературы в Ленинграде (б. Пушкинский дом), Добролюбовым, давали разночинной аудитории журнала соответствующую установку для восприятия произведений автора «Желания быть испанцем». В качестве авторского предисловия к серии прутковских произведений, напечатанных в 1860 г., появилось вышеприведенное «Предупреждение», оно не вошло в собрание сочинений Пруткова, ни разу не извлекалось со страниц «Современника» и здесь переиздается впервые.

Это «Предупреждение» самого Пруткова, задевавшее реакционных публицистов Бланка и Безобразова, прославившихся яростной защитой крепостного права, придавало новой серии его произведений живой, злободневный характер.

В 1863 г. в «Современнике» был помещен «Некролог» и некоторые неизданные творения Пруткова, а затем надолго прекращено было печатание его произведений. Правда, популярность Пруткова повлекла злоупотребления его псевдонимом и вызвала ряд подделок, которые однако без особого труда поддаются определению.

Однако к безусловно прутковскому наследию должно отнести «спиритический» фельетон «С того света», затерянный в №№ 84 и 96 «Санкт-Петербургских Ведомостей» за 1876 г. и также здесь впервые переиздаваемый. Принадлежность его перу одного из «основателей» Пруткова документально подтверждена письмом Владимира Жемчужникова к редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу: «Что же касается прутковского фельетона в прошлый четверг в СПб Вед., то он написан братом моим Александром просто для шутки и заработка»¹.

Фельетон был помещен в двух номерах газеты; после опубликования первой части, в № 87 от 28 марта 1876 г., было помещено следующее письмо: «Г. Медиуму NN. Редакция «С.-Петербургских Ведомостей», напечатав в № 84 присланную вашим превосходительством беседу с покойным К. П. Прутковым, просит вас не сетовать на вкрапившиеся в упомянутой статье ошибки типографии, произошедшие вследствие неразборчивости вашего старческого почерка. Ошибки и пропуски могут быть по желанию вашему исправлены. Примите и проч.».

Увлечение спиритизмом в первую половину 70-х гг. было очень распространено в некоторых социальных группах на Западе и у нас, преимущественно в дворянско-бюрократических. К числу сторонников «медиумизма» присоединились русские профессора Н. П. Вагнер и А. М. Бутлеров, поместивший в «Русском Вестнике» (ноябрь 1875 г.) статью «Медиумические явления», вызвавшую оживленные отклики в печати. Фельетон в «Петербургских Ведомостях» (№ 8, 1876 г.), принадлежавший П. Д. Боборыкину, отмечает ряд противоречий в практике медиумов, например то, что бесплотный дух ощущивает под столом колени присутствующих, что брошенный под стол колокольчик не упал, а начал звонить, двигаясь в пространстве, в то время как за несколько минут до того державший этот колокольчик чувствовала прикосновение теплых детских пальчиков; наконец отмечалось, что кроме Юма, Бредифа и некоторых других иностранцев среди медиумов нет ни одного русского. Этот-то фельетон и дал повод и материал для появления «спиритического» фельетона Пруткова. Следует отметить, что помимо осмеяния модного увлечения образ Пруткова был использован для осторожной либерально-буржуазной сатиры на классицизм в деле народного образования, на бюрократическую «логику» и т. д. Вместе с тем кроме знакомого уже образа «поэта, глубокого мыслителя и государственного человека» в фельетоне создается новый образ — «генерал-майор и кавалер в отставке», ограниченный, «не гораздый в науках», чванный и удручающий своей типичностью. Этот новый образ характеризуется не только вступительной заметкой к фельетону «С того света», но и примечанием о свободомыслии и еще больше постановкой вопросов «духу» Козьмы Пруткова, их нелогичностью, бессвязностью и общим убожеством интересов вопрошавшего.

За «спиритическим» фельетоном последовал новый, заключающий «автобиографию» Пруткова и ряд неизданных афоризмов, стихотворений и других материалов. В связи с продолжавшимся злоупотреблением псевдонимом Пруткова братья Жемчужниковы неоднократно выступали в печати с письмами в редакции разных газет, опубликовывая иногда неизданные прутковские произведения.

Наконец в 1884 г. выходит первое «Полное собрание сочинений» К. Пруткова. Содержание этого сборника составляли произведения как коллективно написанные еще при жизни А. А. Толстого (ум. в 1875 г.), так и специально подготовленные братьями Жемчужниковыми для данного издания. В упомянутом выше неопубликованном письме В. М. Жемчужникова к А. Н. Пыпиу перечислены те произведения, которые к тому времени (февраль 1883 г.) составляли наследие Пруткова. При сопоставлении этого

¹ «М. М. Стасюлевич и его современники», т. IV, СПб, 1912, стр. 312.

перечня с окончательным текстом «Полного собрания» устанавливается, что ряд произведений («Шея», «Катерина», «Новогреческая песнь», «Родное», «Блестки во тьме», «Перед морем житейским», «Предсмертное, с необходимым объяснением», мистерия «Сродство мировых сил» и некоторые другие) был повидимому написан для «полного» Пруткова.

Крупный успех нововышедшей книги вызвал скорое появление второго издания, отличавшегося самыми незначительными подробностями. Из писем В. М. Жемчужникова видно, что для второго издания готовились дополнительные материалы. По ряду признаков можно предположить, что ко включению во второе издание предназначались так называемые «Военные афоризмы» Пруткова, опубликованные в отрывках и не совсем точно в «Русском Архиве» за 1884 г. (т. II, стр. 478—480) под названием «Церемониал погребения поручика Фаддея Кузьмина» и полностью Н. Л. Бродским в «Голосе минувшего» 1922 г. (№ 2, стр. 27—39). Почти одновременно с выходом второго издания «Полного собрания сочинений» Пруткова скончался Вл. Жемчужников, и дальней-

А. К. ТОЛСТОЙ И ЕГО РЕАКЦИОННЫЕ ДРУЗЬЯ ПОЗДНЕЙШИХ ЛЕТ

Слева направо: И. А. Гончаров, Каролина Павлова, А. К. Толстой, В. М. Маркевич, С. А. Толстая (жена поэта) и В. А. Соллогуб

О фотографии (70-х гг.), хранящейся в Институте Русской Литературы

шая работа над Прутковым прекратилась. Начиная с третьего издания, «Сочинения» Пруткова перепечатывались без изменений. Через двадцать лет появилось новое произведение Пруткова, не включенное, впрочем, в «Полное собрание сочинений».

В ноябрьской книге «Вестника Европы» за 1907 г. было помещено «Посмертное произведение Козьмы Пруткова». Примечание редактора по цензурным условиям не могло полностью раскрыть причины появления «загробного» стихотворения, и приводимый там отрывок из письма А. Жемчужникова к редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу вызывает у современного читателя только недоумение. Позднее это письмо было опубликовано в полном виде, благодаря чему социальная направленность «посмертного произведения» Пруткова приобрела отчетливость и ясность.

«12 октября 1907 г. Тамбов. Душевно уважаемый, дорогой Михаил Матвеевич, посылаю Вам только что написанное стихотворение... Оно должно появиться вместе с открытием третьей Думы. Русская неразбериха дошла до того, что кому-то пришла мысль обратиться за советом даже к Пруткову, и я, 86-летний старец, нахожу, что, хотя, без сомнения очень ограниченный, но вполне искренний член черной сотни бывшего времени должен отнестись к манифесту 17 октября¹ именно так, как отнесся к нему вызванный спиритом почтенный К. Прутков... В стихотворении часто цитируются

¹ Слова, набранные разрядкой, и последняя фраза в примечании М. М. Стасюлевича в «Вестнике Европы» отсутствуют. Вместо «к манифесту 17 октября» поставлено в скобках «к актам нашего времени».

подлинные мысли и слова Пруткова. Так как его сочинения пользуются большою известностью, то это не пройдет незамеченным»¹.

Стихотворение это несомненно представляет интерес, как пример практики социального использования литературного образа, созданного в других общественно-политических условиях и приспособляемого к фактам и тенденциям нового времени и иной социальной среды.

Спирит мне держит речь под гробовую крышу:
«Мудрец и патриот! Пришла чреда твоя;
Наставь и помоги! Прутков! Ты слышишь?» — Слышу
Я!

Пером я ревностно служил родному краю,
Когда на свете жил... И, кажется, давно ль?
И вот, мертвец, я вновь в ее судьбах играю
Роль!

Я власти был слуга; но, страхом не смущенный,
Из тех, которые не клонят гибких спин;
И гордо я носил звезду и заслуженный
Чин.

Я, старый монархист, на новых негодую:
Скомпрометируют они — весьма боюсь —
И власть верховную, и вместе с ней святую
Русь.

Торжественный обет родил в стране надежду,
И с одобрением был встречен миром всем...
А исполнения его не видно между
Тем.

Уж черносотенцы к такой готовят сделке:
Когда на званный пир сберется сонм гостей —
Их чинно разместить и дать им по тарелке
Щей.

И роль правительства, по мне, не безопасна;
Есть что-то d'inaschevé... Нет! Надо власть беречь,
Чтоб не была ее с поступком не согласна
Речь.

Я, верноподданный, так думаю об этом:
Раз властью самой надежда подана —
Пускай же просьба: — Дай! венчается ответом: —
На!

Я главное сказал; но, из любви к отчизне,
Охотно мысли те еще я передам,
Которым тщательно я следовал при жизни —
Сам.

Правитель! дни твои пусть праздно не проходят;
Хоть камушки бросай, коль есть на то досуг;
Но наблюдай: в воде какой они разводят
Круг?

Правитель! Избегай ходить по косягу:
Скользя, иль упадешь, иль стопчешь сапоги;
И в путь не выступай, коль нет в ночную пору
Зги.

Дав отдохнуть игре служебного фонтана,
За мнением страны попристальной следи;
И, чтобы жертвою не стать самообмана, —
Бди!

Напомню истину, которая поможет
Моим соотчикам в оплошность не попасть:
Что необъятное объять сама не может
Власть.

Учение мое, мне кажется, такое,
Что средь борьбы и смут иным помочь могло б...
Для всех же верное убежище покоя —
Гроб.

¹ «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. IV, СПб, 1912, стр. 421.

В 1916 г. появилось 12-е неизмененное издание «Сочинений» Прутков. После десятилетнего перерыва, в 1927 г., под редакцией Б. В. Томашевского и К. А. Халабаева вышло в Гизе «Полное собрание сочинений» Пруткова с исправлениями, дополнениями и комментарием. Сюда вошел ряд произведений Пруткова, не включенных в прошлые издания: драма «Любовь и Силин», «Проект введения единомыслия в России», несколько стихотворений, анекдоты из отдела «Исторические материалы» и «Афоризмы». Но тем не менее в этом издании не только отсутствовал ряд уже опубликованных произведений, но и в печатавшихся имелись некоторые погрешности. Так, неверно указание на то, что положенное в основу издания третье якобы вышло в 1887 г., фактически оно появилось в 1891 г. (впрочем может быть здесь имеет место опечатка), не исправлена грубая ошибка в 12-м стихотворении «Предсмертное», где вместо

Уж я — погасшая лампадка
Иль опрокинутая лодка,

напечатано вопреки указанию в «Необходимом объяснении» и письму Алексея Жемчужникова («М. М. Стасюлевич и его современники», т. IV, СПб, 1910, стр. 376) в следующем виде:

Уж я — погасшая лампадка,
Иль опрокинутая кадка.

Большим упущением в этом отношении является то, что тексты некоторых произведений, несмотря на наличие рукописных материалов, напечатаны здесь с прежних публикаций. Благодаря этому значительно теряется социальная заостренность комедии «Любовь и Силин», в свое время пощипанной цензурой. Комедия «Фантазия» напечатана с пропуском. Рукопись ее, по словам комментаторов гизовского издания Пруткова, не дошедшая до нас, на самом деле находится в Рукописном отделении Института Русской Литературы. Здесь имеется большой монолог Разорваки, до сих пор не появившийся в печати. К шестому явлению К. Прутковым сделано примечание: «Это явление немного сокращено противу рукописи», однако не в шестом, а в седьмом явлении находится сценка, не вошедшая в окончательный текст.

После слов Беспардонного: «Боже, если бы это было возможно» входит отсутствовавший до того момента Разорваки со следующими словами:

«Ничего нет необыкновенного. Это случилось очень, очень просто, я тут был».

Все:

Вы видели, как это случилось? Расскажите, расскажите!

Разорваки:

Слушайте! (поет)

Уж смеркалось, в гостиной старушка,
Сидевши, вязала чулок...
Под нею лежала подушка,
Собачка лежала у ног.
В подушке своей потонувши,
Она все вязала чулок,
Но вдруг, неприметно заснувши,
Из рук упустила клубок.
Скатился клубок по собачке,
Она завизжала — и вот —
Старуха, не дав ей потачки,
Ее же толкнула в живот.
Сама испугавшись в потемках
Вадрогнув закричала она.
Ей вдруг показалось впросонках,
Что лезет солдат из окна.
Дрожа перед мнимым служивым,
Велит она кликнуть людей,
И вместе пинком неучтивым
Толкает меня из дверей.
С солдатом готовясь на драку,
С людьми прихожу я назад,
Старуха кричит нам: собаку!
Собаку похитил солдат!
Собаку собаку, собаку,
Собаку похитил солдат!

Красноярск, 7-е июля 1890 г.
Дорогой мой друг,
Получил твою записку, за которую
я тебе очень благодарен. Не упреждаю
тебя во всем, но то, что ты
сделал, очень хорошо. Буду писать
тебе, как только увижу, что
у меня есть время. Но непременно
будет. Искренне твой,
А. К. Толстой.

НЕИЗДАННОЕ ПИСЬМО
А. К. ТОЛСТОГО К Н. М. ЛОГИНОВУ
ОТ 7 ИЮЛЯ 1890 г.

С подлинника, хранящегося в Институте
Русской Литературы

А совсем не солдат! Врет старуха! Просто сама убежала моська.

К у т и л о:

Я давно заметил в этой старухе склонность к жестокому обращению и неприятным приемам:

И наконец комментаторы гизовского издания¹ не привлекли затерянные в газетах 90-х и 900-х гг. интервью с Алексеем Жемчужниковым, пролившие свет на некоторые моменты в истории создания Пруткова.

Отрывок из одного интервью нелишнее привести.

В феврале 1896 г. в связи с 75-летием со дня рождения Алексея М. Жемчужникова некий Икс, пронырливый, малокультурный репортер бульварной «Петербургской Газеты», провик к юбиляру и в статье, помещенной в № 39 (от 10 февраля) обслуживаемого им органа, сообщил ряд любопытных штрихов, не утерявших значения и до сих пор. Неприятным в статье «У А. М. Жемчужникова» является ее тон, вызвавший даже протест со стороны юбиляра. Центральная часть интервью посвящена вопросу о возникновении у братьев Жемчужниковых и Алексея Толстого идеи о совместном писании произведений и о причинах выбора в качестве псевдонима имени Козьмы Пруткова.

«Лицо А. М. Жемчужникова, — сообщает Икс, — просветлело — Ах, дорогой мой! Вы напоминаете мне о делах давно минувших дней, когда мы с братом были так молоды... Да, дорогой мой, невозвратное это время... Были мы тогда очень молоды, здоровы, веселы, забот у нас не было никаких, жилось нам, слава богу, хорошо, горя не было никакого. Вот мы и задумали, я и двоюродный брат мой, граф Алексей Толстой, написать вдвоем в шутильной форме пьеску под заглавием «Фантазия». Писали мы в одной комнате, на разных столах. Разделили мы пьесу на равное число сцен. Одну часть он взял себе, другую я взял себе писать. Когда мы работу окончили и соединили обе части, то оказалось, что у одного действующие лица уходят со сцены, у другого они приходят. Связи никаких... Хохотали мы над своим произведением доупаду. Тогда мы придумали середину. Вставили в пьесу грозу, бурю и пр. и дали уже другому моему брату, покойному Владимиру, дописать конец пьесы. Таким образом мы составили триумvirат. Когда мы уже все написали, мы не знали, каким псевдонимом подписать эту общую нашу пьесу. Служил у нас тогда камердинер Кузьма Фролов, прекрасный старик, мы все его очень любили. Вот мы с братом Владимиром и говорим ему: «Знаешь что, Кузьма, мы написали книжку, а ты дай нам для этой книжки свое имя, как будто ты ее сочинил... А все, что мы выучим от продажи этой книжки, мы отдадим тебе». Он согласился. «Что ж, говорит, я, пожалуй, согласен, если вы так уж очинно желаете... А только, говорит, разрешьте вас, господа, спросить: книга-то умная, аль нет?» Мы все так и прыснули со смеха. «О, нет, — говорим, — книга глупая-преглупая». Смотрим, наш Кузьма нахмурился. «А коли, говорит, книга глупая, так я, говорит, не желаю, чтобы мое имя под ей было подписано. Не надо мне, говорит, и денег ваших»... А? Как вам это понравится? Когда брат Алексей (гр. А. Толстой) услышал этот ответ Кузьмы, так он чуть не умер от хохота и подарил ему 50 руб. «На, говорит, это тебе за остроумие». Ну, вот мы тогда вторым и порешили взять себе псевдоним не Кузьмы Фролова, а Кузьмы Пруткова. С тех пор мы и начали писать всякие шутки, стишки, афоризмы под одним общим псевдонимом Козьмы Пруткова. Вот вам и происхождение нашего псевдонима».

Как сказано, тон статьи оказался неприятным юбиляру, и в № 7169 «Нового Времени» от 13 февраля А. Жемчужников поместил следующее письмо в редакцию:

«В № 39 «Петербургской Газеты» г. Икс описывает свою беседу со мною у меня на квартире 9 февраля. Г. Икс произвел на меня, как мой гость, очень приятное впечатление своею любезностью и добродушием; но эти качества помешали ему быть беспристрастным и, следовательно, точным репортером. Я, очевидно, успел заслужить его благорасположение, и он придал мне достоинства, которых я в себе не признаю. Я вовсе не такой словоохотливый, развязный и ласковый, каким выставляет меня г. Икс. Если бы он был точен в передаче нашей беседы, то я оказался бы, может быть, не таким привлекательным, каким представляюсь теперь, но зато его статья имела бы значение неприкрашенного рассказа о том, что г. Икс видел и слышал, когда я имел удовольствие принять его у себя. Теперь же вышло местами то, да не то, а местами и совсем не то. Не мой тон, не мои приемы в обращении, не мои обороты речи, не мною выраженные мысли, не мною переданные факты как обо мне самом, так и о брате моем Владимире и о графе А. К. Толстом».

Было бы однако неправильным заподозрить в неточности приведенную выше выдержку из беседы с А. М. Жемчужниковым. В справедливости сообщенных в ней фактов убеждает читателя второе интервью с последним из создателей Козьмы Пруткова, помещенное в № 8609 «Нового Времени» от 14 февраля 1900 г. в связи с 50-летием литературной деятельности А. М. Жемчужникова. Автор этого интервью Юрий Беляев писал следующее:

¹ До выхода в свет гизовского издания ряд забытых прутковских произведений был выпущен отдельным изданием под редакцией И. С. Зильберштейна (Козьма Прутков, Не всегда с точностью понимать должно, ЗИФ, 1925 г.).

«Главный почин Прутков, первый шаг в развитии его литературной физиономии сделал наш поэт в сотрудничестве с гр. Толстым. Им пришлось в голову написать с целью сатиры какую-нибудь драматическую вещь, поражающую своей бессмыслицей и вместе с тем претендующую на внимание публики. Замысел был во вкусе тщеславных фантазий бессмертного председателя Пробирной Палатки».

После некоторого размышления Толстой и Жемчужников придумали сюжет и начали писать. Явилась «Фантазия».

Меня заинтересовал процесс написания этой пьесы и распределения творчества между двумя авторами. А. М. Жемчужников рассказал мне следующее:

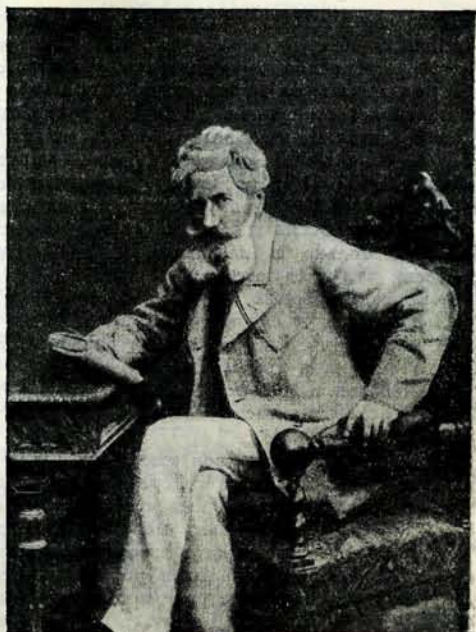
«Обдумав сюжет, мы разделили всю пьесу на явления и распределили их между собой. Однако дело не обошлось без затруднений. Представьте, что во время считки два явления, из которых одно принадлежало Толстому, а другое — мне, оказались неудобными для постановки. Вы помните, конечно, в «Фантазии» «маленький антракт», когда сцена остается несколько времени пуста, набегают тучи, гроза, затем через сцену пробегает моська, буря утихает, и на сцену являются действующие лица. Антракт этот был сделан вследствие того, что у Толстого явление кончалось уходом всех действующих лиц, тогда как следующее затем мое явление начиналось появлением их снова вместе. Мы долго думали, как быть, и наконец придумали этот антракт. На первом представлении пьесы публика долгое время недоумевала, что это такое, и «Фантазию» немедленно сняли с репертуара».

В связи с этими материалами находится неопубликованная запись из дневника Алексея Жемчужникова (от 15 ноября 1883 г.):

«Государь Николай Павлович был на первом представлении «Фантазии», написанной Алексеем Толстым и мною. Эта пьеса шла в бенефис Максимова. Ни Толстой, ни я в театре не были. В этот вечер был какой-то бал, на который мы оба были приглашены и на котором быть следовало. В театре были: мать Толстого и мой отец с моими братьями. Воротясь с бала и любознательствуя знать, как прошла наша пьеса, я разбудил брата Льва и спросил его об этом. Он ответил, что пьесе публика ошибалась и что государь в то время, когда собаки бегали по сцене во время грозы, встал со своего места с недовольным выражением в лице и ушел из театра. Услышавши это, я сейчас же написал письмо режиссеру Куликову, что, узнав о неуспехе нашей пьесы, я прошу его снять ее с афиши и что я уверен в согласии с моим мнением графа Толстого, хотя и обращаюсь к нему с моей просьбой без предварительного с гр. Толстым совещания. Это письмо я отдал Кузьме, прося снести его завтра пораньше к Куликову. На другой день я проснулся поздно, и ответ от Куликова был уже получен. Он был короток: «Пьеса ваша и гр. Толстого уже запрещена вчера по Высочайшему повелению».

Публика «посмертные» прутковские «материалы», братья Жемчужниковы обычно прибавляли «извлечено из сафьянного портфеля с золоченой печатной надписью «сборник неоконченного (d'inachevé) № 1 или № 2». Как и все бытовые детали конструируемого литературного образа, ссылки на архив Прутков — на его претенциозное оформление — не лишены забавности и остроумия; в особенности возбуждает улыбку самая мысль о существовании архива несуществовавшего К. Прутков.

Между тем архив Козьмы Пруткова, как это ни странно, существует. Впрочем следует выразиться точнее. В составе архива Алексея Жемчужникова в ленинградском отделении Центрального Исторического Архива имеется дело № 93, представляющее черновые материалы по Пруткову¹. Главная часть этого фонда состоит из списков прутковских публикаций в «Литературном Ералаше», «Свистке» и «Искре», приготовленных для обработки «Полного собрания сочинений» Пруткова. Но наряду с этим имеется большое коли-

В. М. ЖЕМЧУЖНИКОВ В СТАРОСТИ
С фотографии (1883 г.), хранящейся в Институте Русской Литературы

¹ Некоторые материалы о Пруткове имеются и в других делах жемчужниковского архива.

чество черновиков произведений, вошедших в «Полное собрание сочинений», уже переработанных по сравнению с журнальными публикациями. Наименее значительный в количественном отношении раздел прутковского архива представляют разновременные черновики отдельных произведений директора Пробирной Палатки.

Наиболее старая — не целиком «прутковского» содержания — рукопись, писанная почерком Алексея Жемчужникова, представляет тетрадь с надписью: «Стихотворения, непропущенные цензурой, непечатанные по собственному моему усмотрению и ожидающие печати. Апрель 1855 г.» Среди помещенных в тетрадь стихотворений Алексея Жемчужникова находится ряд прутковских басен с некоторыми интересными подробностями. Во-первых, все басни имеют датировку; во-вторых, наличествуют кое-какие разночтения; впрочем только в заглавиях, а не в самом тексте.

Басни эти следующие:

1. Звезда и брюхо, 1854. С пометкой (с Гр. Ал. Толстым).
2. Помещик и садовник, 1855.
3. Служащий (чиновник и курица), 1855.
4. Помещик и трава, 1855.
5. Попадьа и червяк (!), 1853!

При всех этих баснях есть пометка: «не отдано в печать», при четырех последних — «для Пруткова».

Далее среди черновиков имеется тетрадь без начала, открывающаяся оборванной полусловиной 14-й страницы, со средины стихотворения «Друзьям после женитьбы». На следующей странице идет басня «Стан и голос» с цифрой XIX, затем XIX «Мысли и афоризмы» (Плоды раздумья) в составе 75 афоризмов и т. д. Кончается рукопись «Выдержки из записок моего деда», после чего идет пометка: «Конец первой части». Не содержа никаких новых материалов и по тексту совпадающая с окончательной редакцией сочинений Пруткова, настоящая тетрадь представляет интерес как одна из ранних попыток издания произведений автора «Досугов»: рукопись эта имеет цензурное разрешение надв. советника А. Ярославцева. Так как последний вышел в отставку в начале 60-х гг., то следовательно разрешенная им рукопись Пруткова восходит по видимому к 1861—1862 гг.

Особое место среди архивных прутковских материалов занимает полуобгоревшая тетрадь в лист, писанная рукою Вл. Жемчужникова и представляющая ряд афоризмов, значительная часть которых была опубликована в №№ 26 и 28 «Искры» за 1860 г., и анекдоты «Из записок моего деда» с предисловием, помещенные в №№ 31 и 32 «Искры» за тот же год. Эта рукопись содержит ряд неопубликованных афоризмов и один неопубликованный анекдот (см. о нем дальше).

Наконец среди прочих прутковских материалов имеются: а) рукопись комедии «Любовь и Силин»; б) черновики «Полного собрания сочинений» Пруткова 1884 г.; в) черновик «Посмертного произведения К. Пруткова» («Спирит мне держит речь») и некоторые письма, имеющие отношение к Пруткову.

В общем новых материалов прутковский архив содержит немного. Наиболее значительные документы следующие:

- 1) никогда неопубликованный анекдот из «Выдержек из записок моего деда» под названием «Видно, что и в древности не малую к писанию склонность имели и в плутоватости почасту упражнялись». По видимому анекдот этот, представлявший обработку придворного скандала, известный из подлинных архивных материалов, был исключен либо цензурой, либо редакцией «Искры» из цензурных опасений (анекдот этот приведен выше);
- 2) неопубликованная редакция «Проекта о введении единомыслия в России», подготовленная, но не включенная в «Полное собрание сочинений» 1884 г. (приведена выше);
- 3) первый вариант предисловия к «Фантазии»;
- 4) первая редакция предисловия «от издателей» при «Полном собрании сочинений»;
- 5) исключенные строфы «Желания быть испанцем»;
- 6) первая редакция «Шей»;
- 7) пятнадцать афоризмов (приведены выше).

Вот текст исключенных трех строф из «Желания быть испанцем»; они написаны карандашом рукой В. Жемчужникова и предшествуют последнему куплету стихотворения:

Дайте мне конфетки,
Хересу, малаги,
Персик, амулетки,
Кисточку для шпаги.
Дайте опохало,
Брошку иль вуаль...

Если же хоть мало
Этого вам жаль,
К вам я свой печальный
Обращаю лик:
Дайте напыональный
Мне хоть воротник...

Вот текст первой редакции «Шей»; оригинал писан рукой В. Жемчужникова:

Шейя девы — наслажденье!
Шейя — снег, змея, кристалл,
Шейя — радость, удивленье,
Шейя — моря пенный вал.
Шейя — лебедь; шейя — пава,

Шейя — тонкий волосок,
Шейя — прелесть, гордость, слава;
Шейя — мрамора кусок...
Кто тебя, драгая шейя,
Мощной дланью обоймет?

Кто тебя, дыханьем грея,
 Поцелуем пропечет?
 Кто тебя, крутая выя,
 Станет холить и беречь,
 В дни июня огневые
 Будет с зоркостью беречь:
 Чтоб от солнца, в зной палящий,
 Не покрыл тебя загар;
 Чтобы кожицы блестящей
 Не пронзил злодей комар;
 Чтоб от летней едкой пыли

Ты не сделалась черна;
 Чтоб тебя не иссушили
 Грусть и ветры, и весна.
 Я тебя держал бы в холе
 И берег бы, охраняя;
 Я б тебя, гуляя в поле,
 Дымкой нежной прикрывал.
 Я б врагов твоих, с раченьем,
 Дланью собственной давил;
 А тебя бы с восхищеньем
 Все ласкал бы и любил.

Однако несмотря на сравнительную скудость прутковского архива в отношении неопубликованных материалов, он имеет в известном смысле исключительное значение. Именно на экземплярах произведений Прутков, переписанных из журналов, в подавляющем большинстве случаев находятся пометки, принадлежащие, судя по почерку, В. М. Жемчужникову и устанавливающие авторов каждого отдельного творения Прутова.

Наследие Прутова распадается таким образом и почти без остатка на произведения отдельных авторов. Следует впрочем отметить: среди прутковских вещей есть несколько, представляющих результат подлинного коллективного творчества, но за всем тем остается совершенно ясным то, что каждым из участников вносилось в образ Прутова нечто свое, нечто своеобразное и характерное. Для установления особенностей трактовки Прутова каждым из участников необходимо ознакомиться с тем, что было написано отдельными «опекунами» Прутова. Пометки В. М. Жемчужникова вместе с другими материалами (его письмо к А. Н. Пышину от 6/18 февраля 1883 г., указания в «Биографических сведениях о К. Прутове», примечания П. В. Быкова к сочинениям А. К. Толстого) дают возможность почти полностью распределить наследие Прутова между его создателями. Таким образом принадлежит:

А. К. Толстому

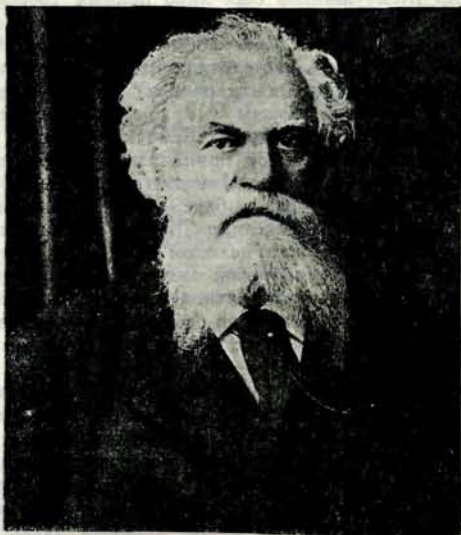
1. К моему портрету.	5. Пластический грек.
2. Из Гейне («Вянет лист...»).	6. Философ в бане.
3. Эпиграмма № 1.	7. Простуда.
4. Память прошлого.	8. ** («Я встал однажды рано утром»).

Алексей М. Жемчужникову:

1. Помещик и садовник.	5. В альбом («Желанья вашего...»).
2. Стан и голос.	6. Древней греческой старухе.
3. Помещик и трава.	7. Сродство мировых сил (Мистерия).
4. Чиновник и курица.	8. Посмертное произведение Прутова.

Владимиру М. Жемчужникову:

1. Поездка в Кронштадт.
2. Возвращение из Кронштадта.
3. Мое вдохновение.
4. Разочарование.
5. Аквилон.
6. Желание поэта.
7. Урок внучатам.
8. ** (Романс) («На мягкой кровати...»).
9. Безвыходное положение.
10. В альбом красивой чужестранке.
11. Опрометчивость («Раз архитектор...»).
12. Шея.
13. Катерина.
14. Баллада («Барон фон Гривальдус»).
15. Осень (с персидского Из Ибн-Фета).
16. Родное.
17. Блестки во тьме.
18. Перед морем житейским.
19. Предсмертное.
20. Эпиграмма № 2.
21. К толпе.
22. Эпиграмма № 3.
23. Пятки нехстати.
24. Предисловие к «Досугам».
25. От известного К. Прутова к неизвестному фельетонисту.
26. Проект о введении единомыслия в России.

АЛЕКСАНДР ЖЕМЧУЖНИКОВ В СТАРОСТИ
 О фотография (90-х гг.), хранящейся в Институте Русской Литературы

Александрю Жемчужникову:

1. Незабудки и запятки.
2. Азбука для детей К. Пруткова.
3. Выдержки из дневника.
4. С того света (фельетон).
5. Некоторые материалы для биографии К. П. Пруткова.

Алексееу Толстому и Алексею Жемчужникову:

1. Фантазия. Комедия.
2. Осада Памбы.
3. Из Гейне № 2 («Франц Вагнер...»).
4. Звезда и брюхо.
5. Желание быть испанцем.

Алексееу, Александрю и Владимиру Жемчужниковым:

1. На взморье.
2. Кондуктор и тарантул.
3. Цапля и беговые дрожки.
4. Червяк и попадьа.
5. Честолюбие.
6. Блонды.
7. Любовь и Силин.

Таким образом не установлено авторство басни «Пастух, молоко и читатель», «Новогреческой песни», «Путника», «Моего сна», «Сестру задев случайно шпорой», «Плодов раздумья», «Выдержек из записок моего деда» и «Спора греческих философов».

Можно надеяться, что дальнейшие находки в архиве Жемчужниковых (в Ленинграде имеется лишь незначительная часть его; так, переписки между Алексеем, Владимиром и Александром Жемчужниковыми в ЛОЦИА не сохранилось) помогут разобраться и в этих нерешенных пунктах. Пока же остается открытым вопрос не только о том, кем из толстовско-жемчужниковского кружка была написана та или иная из вещей, авторство которых не определено, но и о том, не принимали ли участия в составлении их и другие лица. В частности остаются в силе сомнения, вызванные в свое время словами писателя-юмориста П. В. Шумахера: «Братья Жемчужниковы нечестно поступили, умолчав об Александре Аммосове, который более Алексея Толстого участвовал в их кружке: «Запятки» (т. е. «Незабудки и запятки») и «Пастух и молоко» — не их, а Аммосова. Это знают многие, а будь жив граф Алексей, он, как человек честный, правдивый не допустил бы этой передержки» («Исторический Вестник» 1910 г. № 2, стр. 525—526).

Александр Николаевич Аммосов (1823—1866) — сын генерала Аммосова, изобретателя «аммосовских» печей, был в самом конце 50-х и начале 60-х гг. поэтом-юмористом, писал под псевдонимом «Последователь Козьмы Пруткова» и под инициалами «А. А.» Из последнего разряда произведений Аммосова особенной известностью пользовалась серенада «Город спит в дали туманной», помещенная в «Современнике» 1859, № X, «Свисток», тетрадь 3-я, стр. 539, непосредственно перед прутковской басней «Пастух, молоко и читатель»; им же выпущена брошюра о дуэли Пушкина.

Уже сейчас можно определить характер деятельности в создании Пруткова каждого из участников кружка. Учет одного только количественного момента в прутковской продукции показывает, что центральной фигурой среди творцов Пруткова был Вл. М. Жемчужников. Из 59 произведений, авторы которых установлены, Владимир Жемчужников был либо полным творцом, либо соучастником в составлении 30 вещей. Вклад его в Пруткова двоякого рода: с одной стороны, имеется большое количество пародий (19 из всех 26 его произведений), с другой — «официальный» К. Прутков, автор «Писем», «Предисловий», «Проектов» — создание именно Вл. Жемчужникова.

Количественно почти равные, но далеко не равноценные вклады сделаны были Алексеем Жемчужниковым (17 произведений из 39), Алексеем Толстым (14 из того же числа) и Александром Жемчужниковым (10).

Алексееу Толстому принадлежат наиболее художественные вещи Пруткова: «К моему портрету», «Юнкер Шмидт», «Эпиграмма № 1» («Вы любите ли сыр?..»), «Древнегреческий философ в бане», имеющие преимущественно пародический характер.

Алексей и Александр Жемчужниковы специализировались главным образом в области басен, почти целиком построенных на алогической игре, типичной для аполитичной высшей дворянской молодежи конца царствования Николая I.

Таким образом Прутков явился результатом сложной работы, ведшейся в двух направлениях: алогически-бесцельном, социально-ограниченном, с одной стороны, и заостренно-пародическом, социально-активном — с другой. Это разнообразие оттенков, действовавших в пределах одной и той же прутковской линии, признавалось и самими участниками Пруткова. Так, А. Жемчужников писал брату: «Достопочтенный Козьма Прутков — это ты, Толстой и я. Все мы тогда были молоды, и настроение кружка, при котором возникли творения Пруткова, было веселое, но с примесью сатирически-критического отношения к современным литературным явлениям и явлениям современной жизни. Хотя каждый из нас имел свой особый политический характер, но всех нас соединяла плотно одна общая нам черта: полное отсутствие «казенности» в нас самих и, вследствие этого, большая чуткость ко всему «казенному».

При иной установке и иными словами это значило то же, к чему приводит и изучение материала: разнообразие тенденций при одной линии. Это создавало возможность различных интерпретаций и форм социального использования Пруткова.

П. Берков: